

КАПИТАН ЗАПАСА

РОМАН СЕНЧИН

Родился в 1971 году в городе Нызыле Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Проза и пьесы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни», «Дружба народов»,

«Аврора», «Урал». Автор двух десятков книг, в том числе «Ничего страшного», «Московские тени», «Елтышевы», «Зона затопления», «По пути в Лету», «Постоянное напряжение», «Дождь в Париже». Проза переведена на немецкий, англий-

ский, французский, финский, китайский и некоторые другие языки. Лауреат премий «Эврика», «Ясная Поляна», «Большая книга», премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Живет в Екатеринбурге.

Теперь, когда сотни тысяч людей снялись с насиженных мест в поисках безопасности и лучшей доли, вспоминается мне нечто подобное, происходившее тридцать лет назад. Вихрь перемен разваливал мою родную страну, как обветшалый дом, кружил, словно песчинки, эти сотни тысяч, а может быть, и миллионы. И летели они непонятно куда, но надеясь, что не погибнут, выживут и заживут лучше, чем прежде. Ну или хотя бы не погибнут.

Вихрь подхватил и меня...

Отслужив срочную недалеко от Ленинграда, я был уволен в звании рядового и без больших приключений в середине декабря девяносто первого добрался до родного городка на юге Сибири.

Ехал по железной дороге с долгой пересадкой в Свердловске, ставшем к тому времени снова Екатеринбургом (как и Ленинград – Санкт-Петербургом); в ожидании нужного поезда успел побывать в зоопарке и на пустырьке с крестом на месте дома Ипатьева, побродить вдоль пруда, постоял сначала возле избушки Колчака, потом – возле избушки Гайдара... Часов пять тянулись долго. Как и весь этот путь.

До того я всего несколько раз ездил на поездах, да и то на небольшие расстояния. А тут – четверо суток.

Но дело было не в сутках и километрах. Я скорее хотел очутиться дома, вернее, в новой жизни.

Она казалась полной возможностей, сулящей свободу, деньги, девушек, ни одну из которых я к своим двадцати годам по-настоящему не узнал. Казалось, стоит только добраться до родного городка, встретиться с приятелями, которые наверняка уже вжились в изменившийся недавно мир...

Понять мою наивность можно: из двух лет в армии полтора года (не считая шести суток в госпитале с ветрянкой) я безвыездно находился на пограничной заставе. Нас там толкло человек двенадцать-пятнадцать, варилось в собственном соку (в отпуск отправляли, только если умирали родные), и даже приезд хлебовозки из отряда становился событием: мы расспрашивали водилу, как там, в мире, и очень злились, что ничего особенного он не рассказывал. Нам-то представлялось, что вокруг отряда, находящегося на окраине бывшего финского городишки под названием Сортавала, такого же маленького и низкорослого, как и мой родной, кипит эта самая новая жизнь.

Вот ведь она – в телевизоре, готова выплеснуться из экрана в убогую ленинскую комнату с облупившимися стендами на стенах и десятком школьных парт.

Кроме программы «Время», нам удавалось смотреть и другие передачи. Да и «Время» было увлекательным, не очень-то уступая невзоров-

ским «600 секунд». И пусть у Невзорова был почти сплошной криминал, а в программе «Время» говорили о проблемах, конфликтах, но ведь кому-то везло, и мы были уверены, что везет многим. Главное – выбраться на гражданку.

После дембеля я три дня прожил в Питере у армейских дружков, уволенных раньше. Пытался зацепиться, но видел, что у двух дружков уже свои дела, в которые меня не пускают, а третий успел поступить на курсы машинистов поездов метро и смог приютить меня на одну ночь. Ну и все они жили с родителями, условия, как говорится, стесненные...

И вот я вернулся в свой городок. Да, добрался без приключений, но уже на Московском вокзале Петербурга увидел, сколько там бомжей и тех, кого называли беженцами. Беженцы основательно заняли углы в залах ожидания, даже одеяла развесили на каких-то палочках. Жалкие подобия жилищ.

И в поездах наблюдал людей с печальными лицами, слышал нескончаемые рассказы-жалобы и начал догадываться – везет в новой жизни единицам. А уж когда встретился с родителями...

В письмах и редких телефонных переговорах – случалось раз пять за службу, что созванивались, – они были бодрыми и ободряли меня, говорили и писали, что у них все в порядке, иногда присылали денежные переводы, посылки с консервами, печеньем, сигаретами. В общем, я был уверен, а вернее, нафантазировал себе за долгие дни и ночи на заставе, что они вписались в новую жизнь.

Наша семья была в советское время вполне обеспеченной. Двухкомнатная квартира с ковром на стене и хрустальным сервизом в серванте, автомобиль «Москвич-412», гараж, дача – шесть соток с домиком.

Первый ужин меня неприятно удивил. Были соленья, даже бутылка вина, а вот горячее... Ячка и подлива с мелкими кусочками говяжьей брюшины. Жевать эти кусочки было тяжело, поэтому, видимо, мама и порезала их так мелко – чтоб глотать... Ячка что-то мне совсем не шла, и я ее не доел.

– Извини, сынок, – мама вздохнула, – другой крупы нет теперь... и макарон никаких. В конце месяца должны выбросить – план-то им надо выполнять.

Хм, тогда, в декабре девяносто первого, еще думали о выполнении плана.

Я вышел покурить на балкон и увидел замороженные буханки хлеба. И стало страшновато.

И стыдно за свои жалобы в письмах: надоела эта гречка, надоела тушенка.

Дня через два-три я отправился получать талоны. ЖЭК располагался на первом этаже соседней пятиэтажки, хвост очереди был на улице. Хвост длинный. И я его немного удлинил. А вскоре и за мной встали.

Я переминался с ноги на ногу, ежился от сибирского мороза, от которого отвык за два года (было холодно и в Калерии, но иначе – там шипало, а здесь сковывало, съедало тепло жизни, и если не шевелиться, в конце концов казалось, мороз съест и сердце); да, переминался, ежился и вспоминал заставу, теплый кубрик, маленькую нашу столовую с окошечком раздачи. Повар подаст жирные щи, макароны с тушенкой...

Пугаясь этого, я снова хотел там оказаться. Не из-за жратвы, как уверял себя, а из-за той надежности, что там была.

Да, наряды, иногда тяжелые – по двадцать с лишним камушков туда и обратно вдоль контрольно-следовой полосы, да, тоска, да, ощущение, что настоящее проходит мимо тебя, но что делать, это, получается, работа, за которую платят едой, одеждой, крышей над головой... Еще бы отвозили раз в месяц в Сортавалу или девонок привозили. Хотя бы для разговоров, чтоб полюбоваться. Если уж офицерские жены (которых мы, впрочем, встречали нечасто, так как жили они в отдельном корпусе) казались нам красавицами, то уж наши-то сверстницы...

И тут словно знак того, что не надо возвращаться ни на какую заставу, что здесь все может быть отлично, ко мне подошла девушка. В черной длиннополой шубе на искусственном меху, в черной шапке-формовке и черных валенках – такая в нашем городке была зимняя мода у девушек, а пуховики только появлялись, про угги же вообще, наверное, не слышали. И даже в такой одежде было заметно, что у нее хорошая фигура, а ростом она была почти с меня – целоваться удобно.

Рот и нос девушка спрятала под красным шарфом, и из-за этого глаза были особенно выразительные, буквально горели. (Позже я заметил такой эффект в Египте, глядя на глаза в прорези никаба, да и у нас тут, в России, во время пандемии коронавируса, когда объявили масочный режим.)

В общем, я буквально остолбенел. Мгновения хватило на то, чтобы представить эту девушку моей. Вот сейчас она возьмет и спросит, как меня зовут, я отвечу и спрошу ее о том же, и мы пойдем

куда-нибудь... Неподалеку, я помнил, есть кафе... И потом...

Она опустила шарф; я узнал подругу Фели – Феликса – одного из главных бугров нашего района. Не раз он стрясал с меня деньги, причем при ней, при этой девушке, которая была из нашей школы, на класс старше училась; бывало, посылал за сигаретами в магазин, и надо было исхитриться купить, упросить какого-нибудь дяденьку: дескать, отец послал, пожалуйста...

Да, узнал подругу бугра и остолбенел. И нечто вроде ужаса обдало еще большим морозом, чем был тогда на улице, – показалось, она говорит: «Деньги есть? А если найду?»

Такие вот перепады за несколько секунд – от моей девушки до бугрихи, которой надо отдать то, что есть в карманах. И отдал бы – это ведь как рефлекс какой-то. И про армию бы не вспомнил, про автомат, который полтора года каждый день таскал за плечом... К тому же автомата-то больше нет. (А он мне часто будет сниться в будущем. Что лежит завернутый в одеяло под кроватью и магазин пристегнут.)

– Привет, – сказала подруга Фели. Сказала вполне дружелюбно.

– Привет, – сказал я.

– Слушай, можешь на меня и на дочку талоны получить? Дочка дома одна, я вот выбежала...

Она была красивая (бугры могли позволить себе выбирать красивых), описать ее не берусь, но уже тогда, двадцатилетним, я понимал, что в ней нет тех черт, что делают лицо юных очаровательным, а потом становятся карикатурой на очаровательность. У этой была нейтральная красота, которая не исчезнет и может долго не поблекнуть, если любить и заботиться о той, кто ею обладает. У подруги Фели красота начинала блекнуть.

Но, может, это из-за ребенка, подумалось тогда, из-за вообще всей этой фигни. Взять хотя бы очередь за талонами...

– Конечно, – сказал я. – А как передать?

– Занесешь. – В ее голосе появились повелительные нотки. – Адрес в паспорте есть. Тут недалеко. – И она протянула мне документы.

– Да, хорошо... Понял.

Она натянула шарф на нос и пошла прочь от очереди, хрустя снегом. Шла легко, даже изящно в своей шубе, валенках. Я как-то по-дворняжьи любовался. Потом открыл паспорт и любовался ею на фотографии, потом заглянул на страницу «Дети». Дочка, почти два года, отчество «Фелик-

совна». А где тогда сам Феликс? Вернее, его паспорт? Или ему, бугру, а может, уже теперь бандиту или, вполне вероятно, покойнику, эти подачки не нужны? Нашел страницу «Семейное положение». Штампа о браке не было.

Я получил разноцветные листы бумаги с талонами на крупы, сахар, макаронные изделия, мыло, еще многое разное; были и на вино, ликеро-водочные изделия. Они полагались отцу, маме и подруге Фели, а нам с Феликсовой нет. Ну да, мне ведь еще не исполнилось двадцати одного. Автомат таскать мог, а выпить – нет... Такая была в то время едкая шуточка.

Подруга Фели жила недалеко от нашей школы – минут семь ходьбы.

Вид школы всегда вызывал у меня тревогу. От школы исходила опасность, внутри школы опасность жила. Учителя, несделанные уроки, журнал успеваемости, более сильные и наглые пацаны...

Запомнил линейку первого сентября, когда мама привела первый раз в первый класс; особенно хорошо – безрадостные детские голоса, звучавшие из динамиков: «Учат в школе, учат в школе, учат в школе-е». Уже тогда, кажется, я затосковал и заскучал по садику, в который вообще-то ходить не любил. Но последнее лето там получилось замечательным: ребят в группе было уже совсем мало (одних увезли на отдых, других перестали водить), и мы по-настоящему сдружились. В основном сидели на площадке в тени тополей и сочиняли разные истории. Одна девочка, Таня, побывала на фильме «Легенда о динозавре», и мы снова и снова просили ее рассказать, как там откусывают головы. Она с удовольствием соглашалась, каждый раз что-нибудь сочиняя.

Иногда задумывались о будущем, о школе. Никто ничего хорошего не ждал... Мы были очень взрослыми тогда, в то лето, даже воспитательницы нас не контролировали: мы сами, когда хотели, шли на прогулку, или ложились подремать, или садились за столы и ждали, когда принесут кастрюли с едой. Я так и вовсе мог в любое время уйти: у меня на груди висел ключ, а мой дом был через дорогу от садика. Но уходил раньше времени нечасто... Позже, став дембелем и проводив почти всех чуваков моего призыва, я вспомнил о том лете в детском саду – мы, остатки подготовительной группы, были очень похожи на последних дембелей...

Кодовыми замками в девяносто первом подъезде еще не оборудовали, поэтому я свободно добрался до нужной двери. Позвонил. Открыла,

не сразу, подруга Фели. В легком халате без рукавов, темные волосы собраны сзади. Такая вся распаренная, розовая, вкусная... Наверное, стирала – пахло чем-то ароматным. Обтерла руку о подол халата и приняла документы, талоны.

– Спасибо, – сказала.

– Не за что, – ответил я, и захотелось задержаться, остаться: Феликса явно не было.

Но из глубины квартиры раздалось детское нытье, такое противное, что я попятился. И дверь тут же закрылась... Потом я узнал, что Фелю посадили за разбой на какой-то приличный срок.

Из того, о чем мечтал на заставе, ничего в жизнь не воплощалось. В выпускном десятом классе нас было шесть парней. Трое уехали из городка учиться, один женился и работал водителем в санэпидеме, еще один служил в армии. Мои друзья детства, жившие в нашей пятиэтажке и в ближайших домах, в основном куда-то делись, а оставшиеся очень напоминали наркоманов из журнала «Крокодил». Что-то мutilи, где-то шакалили. Связываться с ними, я чувствовал, было опасно.

Большая часть одноклассниц разъехалась, остальные торчали на разросшемся, захватившем окрестности базаре, пытались торговать разным барахлом и шмотками, которые, как я заметил, почти не покупали. Лица у одноклассниц были печальные, казалось, что им не по девятнадцать-двадцать лет, а по сорок...

Родители мои дисциплинированно ходили на почти уже безденежную работу. Да и не деньги были главным тогда – главным было раздобыть еду. Поэтому основным моим занятием в те месяцы стал обход магазинов и отоваривание талонов. А магазины стояли пустые, в прямом смысле – хоть шаром покати. Зацепится этот шар разве что о детское питание «Малютка», консервы с морской капустой и банки с березовым соком. За несчастными сероватыми рожками мгновенно выстраивалась очередь.

В общем, я попал в мир маленьких людей. Почти все были прибитые, как живой Башмачкин из голевской «Шинели», а некоторые – подавшие в бандиты – как Башмачкин после смерти, ставший призраком-грабителем... (Да, бандиты были, и не особо скрывали, что они бандиты, но выглядели как пародия на самих себя; со своих тачек снимали глушители, чтобы по реву на два квартала все понимали, что едут они, крутые, а не кто-то другой.)

В школе у нас был такой предмет – УПК, где мы получали профессию. Наша школа была прикреп-

лена к заводу железобетонных изделий, и мы обучались там. Я стал формовщиком. Грубо говоря, это тот, кто изготавливает панели для домов – по крайней мере, на протяжении двух лет раз в неделю я находился на этой линии. Мало что делал, но насмотрелся, наверное, и кое-чему научился.

Потыкавшись туда-сюда в поисках работы, (а была зима, суровая, как обычно в наших краях, и особо-то не находишься, и устраиваться дворником, в которых была тогда нужда, в минус сорок не тянет), я нашел в ящике серванта корочку формовщика второго разряда и поехал на завод.

Помню, меня удивило, что стенд «Приглашаем на работу» перед входом в заводоуправление был пуст. Два года назад там не хватало места... В отделе кадров меня встретили пришибленные Башмачкины обоюбого пола, и только я заикнулся о поиске работы, замахали, но как-то осторожно, полусогнутыми руками:

– Нет, нет мест. Никого не надо. Извините.

И один, самый пожилой и самый пришибленный, но, видимо, начинавший превращаться в другого, в агрессивного призрака, добавил, кривя рот:

– Вообще закрывать собираются. Нет смысла строить – люди бегут...

Почти семь месяцев я пытался укорениться в родном городке. Подрабатывал то грузчиком, то сторожем в своем же детском саду, то дворником побыл с месяц, дождавшись весны. Посещал подготовительные курсы в филиале краевого пединститута, но понял, что если даже поступлю, то учиться не буду – не вижу (вернее, тогда не видел) смысла. Родители меня не пилили – понимали, что с работой тяжело, а в милицию, слава богу, устроиться не предлагали.

Но повел я себя по отношению к ним подловато. Впрочем, иначе не мог. Иначе вполне бы вздернулся от безысходности... В общем, я убежал. Подхватил меня вихрь времени, который кружил сотни тысяч людей.

Был конец июня, с тополей летел пух, да такой густой, что казалось, это теплый снег валит с неба. Пух лез в глаза, в нос, на улице невозможно было находиться... Раньше коммунальщики срезали, срывали гроздь тополиных шариков, из которых пух, созревший, вылетает. Эта работа казалась нам тогда смешной, бесполезной, некоторые сердились, что на такую ерунду тратятся большие деньги, ведь применяется техника: лестницы, автовышки.

Наверняка удавалось сорвать малую часть гроздьев, но и это было полезно, по крайней

мере, такие пухопады раньше не случались. А может, и случались, но в то лето я везде видел плохое, убеждал себя, что все плохо и лучше уже не станет.

И однажды утром, проводив родителей на работу, я собрал в рюкзак, с которым школьником ходил в походы, необходимые вещи, сунул в карман скопленные деньги и вышел из дому. На попутке, решив быть предельно экономным, доехал до железнодорожной станции, которую почему-то построили в пятнадцати километрах от городка, дождался ближайшего поезда в западном направлении и через сутки был в Новосибирске.

Конечно, я оставил родителям записку, правда, безжалостную: мол, не вижу здесь никакого будущего, может быть, мне повезет в других местах. Понимал, что они расстроятся, но больше из-за такого моего отъезда – практически бегства, а не потому, что я собственно уехал. К тому же начался дачно-огородный сезон, насажали мы всего много, родители решили продавать овощи, чтоб хоть как-то остановить наше сползание в бедность. Нужно было поливать посадки, и это должен был делать я, относительно свободный. Теперь же пришлось ездить папе после рабочего дня...

Да, я сбежал. Боялся разговора, знал, что родители начнут уговаривать отложить отъезд до осени – может, заработаем что-то, поеду не с этими жалкими своими сбережениями; наверняка будут советовать поступить в институт. Я бы наверняка согласился, вернее, подчинился, а я этого не хотел. Каждый день здесь стал для меня мучением, я физически ощущал, что подыхаю, задыхаюсь, становлюсь все мельче, ничтожней... Пускай я оказался в числе этого большинства маленьких людей, но необходимо попытаться измениться, вырваться. И я попытался.

В общем, цель у меня была, а плана особого – нет. В рюкзаке лежал блокнот с адресами и номерами телефонов приятелей и знакомых в Новосибирске, Омске, Перми, Питере. Я хотел добраться до Питера, все-таки прибиться к кому-нибудь из тех, с кем служил. Наверняка ведь хотя бы один успел за эти месяцы подняться.

Денег, правда, было с гулькин нос. Я примерно подсчитал: хватало на билеты и самую простую еду, которую еще надо раздобыть. Не хлебом же одним питаться. А цены в кафе, в вокзальных буфетах такие, что бутерброд в рот не полезет...

В центре нашего городка я обнаружил киоск с кассетами. Аудио, видео. Среди прочего там

были альбомы советских рок-групп. Я покупал их и слушал на своей «Легенде», которую родители подарили мне после окончания восьмого класса. В том же киоске продавали журналы о роке – «Энск», «Рокси», «Хаммонд». Из них я узнал, где собираются неформалы (в Новосибирске, например, возле театра оперы и балета), что там можно найти вписку – приют или на ночь, или на несколько ночей.

К театру я и пришел в Новосибирске и действительно нашел там группу панков. Я не походил на панка, да и был взрослее многих, поэтому ко мне отнеслись с подозрением. Но рассказал им о себе и своем решении вырваться из маленького городка, не быть, как большинство (это панкам понравилось – «большинство, это дерьмо»), скинул на вино, и отношение ко мне сделалось теплее. Один из парней, по прозвищу Мочегон, согласился пустить меня переночевать – «предки у бабки в деревне».

А утром я снова был на улице, один. Добрался на электричке до Академгородка, о котором много слышал и читал. Откуда-то, сложно теперь сказать, откуда, узнал, что там летом сдают комнаты в общежитиях. Без проблем снял комнату на двое суток.

Что я делал двое суток? Наслаждался одиночеством, просторной комнатой, сосновым бором за окном. Гулял по этому бору, заложив руки за спину, словно ученый... А вообще-то я плохо помню те дни своего бегства – не знаю, как другие, а я, совершив рискованный поступок или попав в новую обстановку, погружаюсь в некий полусон, реальность становится не такой реальной, да и я тоже. В таком состоянии я и пребывал тогда.

Через два дня, никого не встретив (а ведь, говорят, бывают судьбоносные встречи), вернулся в Новосибирск, купил билет до Омска. Мочегон рассказывал мне, что по всей стране можно проехать бесплатно, на собаках, – так называлось передвижение на электричках, – перебегать из вагона в вагон, если появятся контролеры. Но сил выстраивать маршрут, ползти в электричке, которая останавливается на каждой платформе, ждать другую на крошечных вокзальчиках не было.

В ожидании поезда стоял на привокзальной площади, смотрел на ряды людей, державших в руках колбасу, водку, бутылки с кефиром, сигареты. Сначала я недоумевал, почему в руках держат, ведь это неудобно, можно приспособить ящики какие-нибудь. Потом, кажется, догадался: бояться, что схватят и уберут.

Сигарет у меня оставалось мало, поэтому купил у старушки две пачки «Астры». Цена была почти в два раза выше, чем в магазинах, но в магазинах походи найди... Потом купил кефира и пачку печенья...

Восемь часов пути от Новосибира до Омска стали, пожалуй, самым тягостным временем в моей жизни. Был день, за окном однообразная степь; я взял нижнее место, а соседями в моем плацкартном отсеке оказались цыганки с детьми. Детей они подняли на верхние полки, а сами без умолку разговаривали на своем языке. Сначала он меня забавлял, да и цыганки были милостивые, а потом все стало раздражать. Хотелось лечь, но рядом сидела женщина. Не стонишь ведь?..

Когда наконец я решил все-таки занять горизонтальное положение – пусть пересядет к соседке или устроится на краешке, – цыганки взяли за меня:

- Куда едешь, молодой?
- В Омск, – ответил нейтральным тоном, но внутренне холодея от страха – начитался про гипноз, под которым цыгане обчищают людей до копейки.
- Мы тоже. Омск хороший город. А чего у тебя штаны рваные?

Я был в джинсах с протертymi, но не сильно, коленями. Джинсы эти носил еще до армии, надел для того, чтобы казаться своим с неформалами.

- Да так... – Объяснять, конечно, не стал.
- А давай мы тебе новые штаны купим? – сказала одна цыганка и подмигнула другой. Та кивнула:
- Нехорошо в таких, да.

И я ответил с вызовом:

- Купите.

Тут же похвалил себя: молодец, пусть знают, что с меня нечего взять.

Цыганки посмеялись и снова заговорили между собой на своем смешном и раздражающем слух языке. А я снял кроссовки и протянул ноги между стенкой отсека и задом женщины. Улегся, сунул руку в карман, где было несколько денежных бумажек. Изо всех сил старался заснуть, но не мог. Мешали голоса над ухом, дети, постоянно что-то просящие у матерей, а в основном собственные мысли. Я уже жалел, что уехал. Хотя в Омске было больше шансов зацепиться, чем в Новосибирске.

Вернее, я убеждал себя, что это шансы. Никакие это были не шансы. Ни там, ни там. Просто в Омске жил мой одноклассник Славка Гурьев. (Одноклассник, но давний – уехал в тринадцать лет: отец Славки был офицером.)

Рядом с нашей школой находились так называемые офицерские дома. Жили в них действительно по большей части семьи офицеров. Со мной переучилось бесчисленно девочек и мальчиков из тех домов. Никто не задержался на все десять лет: отцов переводили на новое место службы, и жены с детьми следовали за ними. Три-четыре-пять лет. Даже имена не запомнил.

Единственное исключение – Славка Гурьев. Во-первых, отец его застрял в нашем городке, а вернее, в части рядом с городком, надолго, во-вторых, самое, наверное, важное, Славка был душой класса. И его проводы стали грустным торжеством. Мы принесли еду, газировку, выпустили стенгазету с фотографиями Славки и смешными подписями к ним. После застолья за расставленными буквой П партами были танцы. Славка танцевал по очереди с девочками, некоторые прямо приникали к нему...

Потом мы переписывались. И коллективно, и по отдельности. Славка в письмах то радовался новым местам и новым друзьям, то скучал и признавался, что ему одиноко, что живут они в диких местах. Обратные адреса периодически менялись. Не помню их, так как выглядели они как шифры. Видимо, это были воинские части. (Потом и у меня были такие, когда служил в армии.) Но из писем Славки было понятно, что это то север Иркутской области, то восток Забайкалья, то Приморье на самой границе с Китаем.

После моего возвращения со службы наша переписка возобновилась. Славку призвали на полгода позже, и я подбадривал его в том духе, что «дембель неизбежен».

Пока Славка служил, его отца уволили из армии, и они с женой кое-как добрались с Дальнего Востока до родных им обоим омских краев. Туда вернулся и Славка в апреле. И вскоре написал, что занялся бизнесом (но не написал, каким), вообще все у него стало «правильно». Это «правильно» в письмах повторялось постоянно.

Его родителей я хорошо помнил. Мама работала в детском доме, который находился в том же квартале, что и наша школа и офицерские дома. Она была высокой, тонкой женщиной с красивым, но строгим лицом. А отец – настоящий офицер. Плотный, но несколько не полный, подтянутый, ходивший так, будто чеканит шаг в строю. Пшеничные волосы и такие же усы. Настоящие офицерские усы. Как в фильмах «Тихий Дон», «Хождение по мукам»...

Я часто бывал у Славки дома, иногда встречал там и его отца. Удивлялся, что даже в квартире он

в военной форме. Ну или по крайней мере в штанах, напоминавших галифе. Казалось, он в любой момент готов сорваться на задание.

Его часть находилась недалеко от городка, за аэродромом. Два раза Славкин отец устраивал нам экскурсии. Он был тогда лейтенантом или старшим лейтенантом, договаривался, наверное, с командиром. Надо, дескать, приобщать пионеров к делу обороны страны. И мы еще до уроков НВП держали в руках автоматы, лазали по БМП и БТР... Когда со Славкой играли в солдатики, его отец наблюдал за нами очень серьезно, будто это какое-нибудь учение, а не игра...

Ну вот к ним я по сути и ехал в Омск. К Славке, у которого все «правильно», к его отцу, который наверняка устроился в гражданской жизни, его жене, судя по моим воспоминаниям, сильной и умной женщине.

У меня был записан адрес, на который я посылал Славке письма в мае-июне. О приезде не сообщал. Сорвался спонтанно, да и что писать? «Приезжаю, встречайте»? Нет, лучше без предупреждения, вроде как по дороге завернуть. Завернуть и осесть.

Теперь уже сложно представить, как я без гугл-карт, смартфона нашел нужный дом, квартиру.

Открыл Славкин отец. Почти такой же, только... Да, и он был прибитым, и прямая спина теперь стала кругловатой, усы печально обвисли, на щеках щетина. Он с подозрением смотрел на меня.

Я представился, напомнил о нашем городке, о школе, о солдатиках на полу.

– А, да, да. – Усы его приподнялись. – Проходи. Какими судьбами?

– Еду в Ленинград, вот решил Славку повидать, – бодро сказал я.

– Ленинград... Ленинград, это хорошо.

Квартира оказалась крошечной. Малогабаритная однокомнатка. И, судя по всему, отец Славки жил здесь один. Моя надежда получить помощь стала слабеть.

Хозяин включил электрочайник. Металлический, советский. Такие закипали очень долго. Мы сидели за столиком на крошечной кухне и ждали. Разговаривать смысла не имело – и так понятно. Но все же я спросил:

– Как Слава?

– Да ничего... Отслужил... Работает.

– О... – Ответ потянул новый вопрос: – А где?

Он подвигал головой, словно разминая шею:

– По торговле что-то... Сейчас ведь все торговать стали.

Еще проходя на кухню, я заметил висевший на крючке мундир с погонами капитана. Решил сделать приятное:

– Вы теперь капитан?

Славкин отец усмехнулся:

– Капитан запаса. Уволили по сокращению. Не нужна, объявили, такая большая армия.

– Н-да... Сочувствую. А ваша супруга как?.. Извините, не помню, как зовут.

– Ничего. У моих родителей сейчас, в деревне. Недалеко здесь. Может, и Славка там.

Совсем безысходностью повеяло. Сын неизвестно где, жена наверняка уехала не на один день. А он, глава семейства, здесь. И явно не роскошествует.

Чайник никак не закипал.

– Вы кофе или чай?

– Кофе, – конечно, ответил я; кофе я любил со школы, но пить его получалось не всегда.

– Ну, кофе даже лучше не кипятком.

Пили растворимый индийский кофе. Славкин отец тяготился моим присутствием. А может, вообще всем тем, что его окружало, своим таким положением. Может, думал, где найти Славку: одноклассник к нему приехал, а он черт знает где.

За окном смеркалось. Я понимал, что переночевать здесь негде, а куда податься – не представлял. Начиналась паника, которую я сдерживал простой и наивной верой: передо мной взрослый человек, офицер, пусть и запаса теперь, он что-то должен придумать. Удобно ведь внушать себе, что ты слишком молодой и слабый, а есть взрослые и сильные.

– А я в декабре демобилизовался, – сказал я, чтоб стать Славкиному отцу симпатичней.

– Демобилизуют после войны, – поправил он, – если была мобилизация. А вас уволили со срочной службы... Где служили?

– В пограничных войсках. В Карелии.

– И как?

– Нормально. Уже стал немного скучать, – приуныл я, хотя действительно с каждым днем вспоминал об армии со все большей теплотой.

– Да-а. – В глазах хозяина появилось одобрение, и он встряхнулся. – Так, сейчас вечер, Вячеслав с ребятами часто ужинает в ресторане одном... «Сибирские огни». Давайте сходим?

– С удовольствием! – Обрадовала меня не столько перспектива посидеть в ресторане, сколько хоть какой-то проблеск: сейчас придем, а там может быть Славка, ребята, и меня принимают в свой круг. И я тоже начинаю работать, зарабатывать, снимаю квартиру...

Идти пришлось далековато. Я устал. Ну, в общем-то, я давно устал. И двое суток в Академгородке не зарядили энергией. А что может его зарядить? Уж точно не та неопределенность, в которой я находился после армии. А если покопать, то и много дольше.

Славкин отец был в гражданском. Брюки с расползшимися стрелками, легкий вязаный свитер; бриться не стал...

Ресторан находился на втором этаже двухэтажного здания серой брежневской архитектуры. Даже в то время такие постройки напоминали мне что-то производственное. Но внутри оказалось уютно и одновременно строго. На больших окнах тяжелые портьеры, столы и стулья массивные, потолки высокие, притушенный свет... До того я в ресторанах-то, кажется, и не бывал. Так, в кафешках, кафетериях. В нашем городке общепита почти и не было – в таких населенных пунктах питаются и выпивают дома.

Зал «Сибирских огней» огромный и пустой. Лишь за двумя или тремя столами сидели тихие парочки.

– Наверное, рано еще, – сказал Славкин отец, оглядевшись. – Они поздно заканчивают. Бизнесмены, – добавил как-то горько.

К нам подошел официант. Разглядел нас, лицо стало брезгливым.

– Предложить столик? – все же спросил.

Славкин отец глянул на меня и сказал:

– Да. И меню.

– Само собой... Пожалуйста.

Нас усадили за стол на двоих недалеко от входа, но в закутке. Если бы кто-то пришел в ресторан, мы, неспростые, вряд ли бы бросились в глаза.

Папка меню была тяжелая, но внутри оказался один лист бумаги. Названия блюд и прочее было отпечатано на машинке. (Ну, это неплохо по тем временам – в столовых от руки часто писали, хрен разберешь.) Какие именно кушанья предлагались, не помню, цены – тоже. Но они меня напугали. Цены. И я честно сказал, что денег у меня почти нет.

– А как же вы в Ленинград едете? – удивился отец Славки. – Билет уже куплен?

И я стал ему честно рассказывать о своем побеге, о надеждах где-нибудь зацепиться в этой новой жизни.

– Готовы сделать заказ? – появился официант.

– Так точно! – с шутливой интонацией ответил капитан и заказал два то ли антрекота, то ли

бифштекса (в общем, по куску мяса) с картофельным пюре (которое оказалось точь-в-точь таким, какое нам давали в детском саду), селедку с картофелем и графин водки. – Пока все. Лицо официанта стало приветливее – видимо, заказ оказался не самым скромным.

– Новая жизнь, говорите, – вздохнул отец Славки. – Я тоже пытаюсь...

И замолчал. В ресторане было тихо, интерьерную музыку тогда еще не включали. Лишь где-то позвякивали ножи или вилки. Люди за другими столиками ели то ли молча, то ли переговариваясь так, что нам не было слышно. Продолжать свой прерванный рассказ мне не хотелось – сказал, в общем-то, все, что было нужно. Что я один, без денег, без работы, без будущего. И вот тащусь по Транссибу от города к городу в поисках этого будущего.

Тяжело мы молчали, отец Славки сопел, поглядывая направо, налево, только не на меня... Массивная дверь ресторана скрипнула, и он качнулся, глянул, кто там. Наверное, сына ожидал увидеть. Но это был какой-то пожилой человек.

Официант принес графин, стопки, селедку, хлеб. Отец Славки обрадовался. Я тоже. Не еде, а тому, что теперь не надо сидеть вот так.

– Давайте.

– Да...

– За встречу. Многое ваше появление заставило вспомнить.

Выпили. Водку я тогда пил редко, и она сильно обжигала горло. И всегда появлялось подозрение: паленая, технарь, метил... Водкой тогда часто травились.

– Мы ведь все потеряли, – снова заговорил отец Славки. – Я эту конурку снимаю, жена у моих родителей в Иртыше... деревня такая тут... Слава... сын... Страшными делами он занялся. Я боюсь выяснять, но вижу. Я теперь много чего боюсь. Кто я теперь?.. Капитан запаса. Только никто меня никуда из этого запаса не возьмет. Сорок четыре года, а что дальше?.. Я никем не могу быть, только офицером. И отец у меня офицер, подполковник, всю войну прошел, и брат, на два года младше, уже майор, служит, а я вот – до капитана, позор... А теперь и вообще... Сокращение штатов... Налей.

Я с готовностью налил.

– Славу когда призвали – я радовался. Как раз все совсем рушиться стало в стране, но у нас в полку нормально было, крепко. Я Славе писал – оставайся на сверхсрочную или в учили-

ще поступай, армия последней повалится или спасет. А тут и в гарнизоне, и... и у нас с женой разлад пошел... Устала она... Потом увольнение, кое-как добрались досюда через полстраны. И вот второй год не могу никуда... Да и... – Он пристально на меня посмотрел; после двух стопок казался совсем пьяным – так бывает, когда человек измотан, плохо спит, все время думает о чем-то одном. – Да и не хочу, – сказал тихо, как по секрету. – Я офицер и хочу умереть офицером. В Афган, пока он был, рапорта подавал – не приняли, там просил оставить, хоть на комвзвода перевести, но оставить... Но нас всех подчистую... в соответствии с указом от двадцать первого марта восемьдесят девятого. С Китаем у нас замечательные отношения – не нужны стали. И с Европой тоже... Сейчас вон из республик вывозят, даже из автономных. И не хочу слышать про это, читать, а ведь лезет со всех сторон. И что я могу? Ничего не могу...

Я кивал, подливал. Принесли горячее. Отец Славки все говорил, говорил. Его в прямом смысле прорвало. Видимо, долго ни с кем не общался. – И Славе, сыну, я что могу... Вижу, что гибнет. Или посадят, или... У нас тут каждый день кого-нибудь с пулей находят... Не дай бог... И когда приходит, я ему начинаю... просить, чтоб осторожней хотя бы, он достает из кармана деньги и на стол так небрежно: «Бать, не волнуйся, купи чего вкусного. Все у меня правильно». И вижу ведь, что денег-то не очень, если б много было, помог бы нам двухкомнатную снять, мать бы вернул... Да нет, это так – форснуть пачечкой, чтоб не мешал я, заткнулся... И раньше, – Славкин отец снова усмехнулся, на этот раз совсем горько, почти по-стариковски, – папой называл, а теперь – «бать»... Вроде и ничего, но пренебрежение чувствую. Хм, да... И ничего не могу... Я-то что, чем ответить?.. Как там говорят?.. Лузер, да?

Я машинально покивал, потом спохватился, хотел как-нибудь ободрить, но передумал. А чего ободрять, если так и есть?

Славкин отец потыкал мясо и отложил вилку. – Слушай, лучше тебе с ним не встречаться. Не надо. Ты парень-то нежный, вижу, книжки любишь читать. Да? А они там... Им, хм, не до книжек. Совет могу дать, если хочешь. – Да, – сказал я вполне искренне, – хочу. – Там осталось что?

В графине осталось. Хватило по половине стопочек... Выпили. Я закусил мясом, отец Славки не стал. – Так вот, возвращайся домой. Пережди. Сейчас морок, будто над нами какой-то газ распылили. И мы сорвались с катушек. Не чувствуешь?

После этого вопроса я почувствовал. Действительно. Домой захотелось еще сильнее.

– Да, – ответил я, – вы правы. Только сейчас понял. То есть почти сразу понял, как поехал, но не хотел себе признаваться. Спасибо.

Отец Славки теперь не усмехнулся, а улыбнулся. Хоть и грустно, но по-доброму. Правда, неумело как-то. Офицеры, наверное, и не должны уметь улыбаться – они должны уметь приказывать. Каждую секунду быть готовыми отдать приказ. Впрочем, отец Славки теперь не офицер, по крайней мере, не действующий, а здесь, на гражданке, улыбаться надо. Надо учиться располагать к себе...

Он заказал еще сто грамм. На посошок. Пока ждали водку и счет, доели селедку, мясо, пюре. Потом с чувством чокнулись.

– Поедешь, да? – спросил он.

– Да. Отсюда на вокзал сразу.

– Правильно... Злюсь, когда Слава это слово говорит, но тебе говорю: правильно решил.

– Действительно, пережду. Так не должно долго продолжаться.

– Наладится, – подтвердил он. – Спадет морок. Спадет. Наладится. Потом смешно будет, за что мы тут друг другу глотки грызли...

– Не все, – перебил-заспорил я. – Вы вот не грызете.

– Ну, если б моложе был да не так был воспитан, то мог бы. Скорей всего. А так я, хм, капитан советской армии в запасе. Теперь ее делят, месяца два назад о Вооруженных силах России отдельных объявили... А, – махнул рукой, – я много про это могу. – Взял счет, посмотрел. – Терпимо. – Достал деньги, отсчитал нужную сумму, положил на счет; я заметил, что осталось еще немало. – Ну что, – перевел взгляд на меня: – Поедешь? – Будто гнал уже.

– Поеду, поеду...

– Ночью через нас много поездов на восток идет.

– Я только вот попросить хотел, – решил я. – Не могли бы дать в долг пятьсот рублей? У меня совсем...

Отец Славки задумался. Но коротко. Видимо, быстро взвесил, что лучше – дать мне пятисотку и отвязаться или продолжать искать Славку, как-то помогать с ночлегом, и кивнул:

- Конечно. Держи. Считай – дарю.
- Да я вышлю. Адрес есть.
- Ну, как знаешь. Как сложится...

Мы вышли на улицу, уже пустынную, прохладную, с редкими фонарями. Закурили. Сделали по несколько затяжек.

- Вокзал вон там, – сказал отец Славки. – Прямо иди, там театр увидишь. Налево сверни, и по Гагарина, потом по Маркса, и будет вокзал.
- Спасибо.

Я шел по уснувшему Омску и каждую минуту ожидал, что сейчас появится толпа, меня изобьют, обчистят. И что тогда? Снова идти к бывшему капитану – то есть капитану запаса – и просить о помощи? Унизительно, стыдно... Каждая проезжающая мимо машина казалась мне набитой бандитами. Остановятся, хлопнут битой или просто выстрелят для прикола... Толп не встречалось, сидящим в машинах я был, кажется, неинтересен.

Мне вообще повезло: я купил билет на отходящий через час поезд. Правда, не прямой – в Ачинске надо было сделать пересадку, но короткую... Я благополучно доехал до дома. Родители встретили меня спокойно – не ругали, не упрекали: они, очевидно, понимали, что со мной делается. Может, если б были моложе, то тоже что-нибудь предприняли, но им было под пятьдесят, больше, чем отцу Славки. В таком возрасте срывать тяжело, тем более если есть квартира, дача, гараж...

Я стал жить в основном на даче. Мне понравилось одиночество. Я ходил на речку и ловил ельцов, окуней, иногда на перекатах попадались хариусы. Мы завели кроликов. В общем, и овощи, и рыба, и мясо имелись.

Вскоре у меня появились свободные пятьсот рублей. Хотел выслать переводом Славкиному отцу, но тут понял, что не знаю его имени и отчества. От Славки письма не приходили, сам я не писал. Может, до Славки письма и не дойдут, может, его отец их вскрывать будет. В письме же отправлять банкноту было опасно – люди рассказывали, что пропадали поздравительные открытки в конвертах, наверняка вскрывали на почте и искали там деньги. А затем пятьсот рублей обесценились до смешного... В общем, как-то ушел в прошлое этот долг, а там подзабылись и мой побег, неудачный и стыдный, и Славка с его отцом.

У нас же потихоньку положение выправлялось. Мы привыкли к тому, что трудно, что нужно полагаться на свои силы, и родители хотя и продолжали ходить на работу, но основную энергию тратили на огород; стали ездить за ягодами

и грибами, торговали ими на одном из множества рынков, что образовались в нашем городке. Чуть ли не на каждом перекрестке.

На следующий год я поступил в пединститут, через три года уехал в Москву учиться в Литературном институте – пристрастие к чтению развилось до потребности писать рассказы, их стали печатать сначала в местной газете, а затем и в московских изданиях... Я закрепился в Москве, потом укоренился.

Бог послал мне не очень много читателей, но они есть, небольшие тиражи моих книг раскупают, иногда случаются премии. В общем, я доволен. Это поэт должен считать себя самым лучшим, самым талантливым, иначе он и не поэт, а прозаик может сознавать, что он во втором ряду, и радоваться, что в ряду, а пока не антресолях.

Теперь мне за пятьдесят, и я все чаще вспоминаю прошлое. Умерших в нашем обветшавшем городке родителей, одноклассников, никого из которых не видел уже много лет; вспоминаться стал и отец Славки, капитан запаса. Переждал ли он тот вихрь, пережил ли? Ведь он был еще достаточно молодой. Может, уехал добровольцем в Югославию (тогда многие уезжали), может, завербовался в антидудаевские силы осенью девяносто четвертого (там, говорят, было много российских офицеров запаса). А может, нашел себя на гражданке. Может, жив и сейчас и каждый день изучает карты нынешних боевых действий, расстраиваясь и сожалея, что в них не участвует. Ведь запасным, даже давно списанным со счетов, всегда кажется, что если бы их выпустили на поле, они бы непременно победили...

Вспоминаю я и те пятьсот рублей. Плохо, что не нашел способ их тогда вернуть.

